

САНЬ-МАО

САХАРСКИЕ НОВЕЛЛЫ

лучшая проза Тайваня

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-32
ББК 84(5Кит)-44
С18

Sanmao
STORIES OF THE SAHARA

Печатается с разрешения Crown Publishing Company Ltd.,
The Grayhawk Agency при содействии The Van Lear Agency

Книга издается при поддержке
Министерства культуры Тайваня
This book is published with the support
of the Ministry of Culture of Taiwan

Серийное оформление и дизайн обложки
Владислава Воронина

Перевод с китайского
Марии Осташёвой

Сань-мао.

C18 Сахарские новеллы / Сань-мао; пер. с китайского М. Осташёвой. — М. : Издательство АСТ, 2022. — 352 с.; ил. — (Лучшая проза Тайваня).

ISBN 978-5-17-147707-3

Сборник «Сахарские новеллы» – самая знаменитая книга тайваньской писательницы Сань-мао (1943–1991).

Движимая детской мечтой и жадой приключений, в начале 1970-х она отправилась в Испанскую Сахару со своим возлюбленным Хосе. За время пребывания там, а это всего полтора года, пара успела пожениться, исколесить пустыню вдоль и поперек, превратить сахарскую лачугу в местную достопримечательность, завести друзей среди местных жителей, испытать на себе все тяготы жизни в пустыне и изучить сахравийские традиции.

А спустя время появился автобиографический сборник «Сахарские новеллы», в котором Сань-мао рассказывает о вещах одновременно обыденных и необыкновенных и где правда жизни соседствует с художественным вымыслом. В этих историях мы найдем и добродушный юмор, и безжалостную сатиру, и грустную иронию, и бесконечное сочувствие оторванным от цивилизации местным жителям.

Порой нарочито бесстрастные, порой чрезвычайно эмоциональные, «Сахарские новеллы» расходятся огромными тиражами на Тайване и в Китае, а Сань-мао и по сей день остается кумиром для миллионов читателей во всем мире.

УДК 82-32
ББК 84(5Кит)-44

© Sanmao. 1976, 2011, 2021
© М.С. Осташева, перевод, 2022
© Р. Г. Шапино, предисловие
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-147707-3

ДЕВОЧКА В ЮБКЕ ЦВЕТА ЗЕЛЕННОГО ЯБЛОКА

Читающие по-русски, поздравляю вас! Наконец к вам пришла проза самой (на мой взгляд) популярной в мире женщины XX века, писавшей по-китайски.

Сань-мао — псевдоним. Эту тайваньскую писательницу звали Чэнь Мао-пин. Чэнь — фамилия, а имя можно перевести как «величественная и спокойная» или «несущая покой». Пожелание родителей не сбылось — их прекрасная одаренная дочь совершенно не желала вести себя величественно и нести людям покой. И еще в детстве убрала из своего имени сложный иероглиф «мао» («величие» или «побуждать к чему-то»). А «пин» — это не только «покой», но и «простота», и «справедливость»... Позднее она взяла себе английское имя Echo Chen в честь своего любимого учителя рисования, известного тайваньского художника Гу Фу-шэна, подписывавшего свои работы Echo. А лежащие сейчас перед вами «Сахарские новеллы» вышли уже под псевдонимом Сань-мао, что значит одновременно и «тридцать грошей», и «три волоска». Видимо, изначально писательница хотела иронично заявить, что и сама она, и ее творения немногого стоят, но потом с радостью обнаружила, что это имя уже известно китайской публике, ведь Сань-мао — мальчик-непоседа, главный герой комиксов китайского художника Чжан Лэ-пина, с которым она познакомилась и подружилась в 1989 году.

Сань-мао родилась 26 марта 1943 года на юго-западе Китая, в городе Чунцине, в семье успешного адвоката, гордившейся несколькими поколениями выдающихся предков. После окончания Второй мировой войны они переехали на восток, в Нанкин, а в 1949 году, после прихода к власти в материковом Китае коммунистов, — в Тайбэй, столицу Тайваня, где продолжала править основанная в начале XX века китайская национальная партия Гоминьдан.

Сань-мао держалась в стороне от других детей, подбирала на улице вещи и играла с ними. В средней школе она получала одни нули по математике, однако потом обнаружила в конце учебника ответы на все контрольные, выучила их наизусть и стала получать отличные отметки. Когда учитель понял, что на самом деле она не может решить примеры, он перед всем классом нарисовал ей вокруг глаз нули. После этого девочка стала вместо школы ходить с книжкой на кладбище. Родители перевели ее в американскую школу, где она училась составлять букеты, играть на фортепиано и рисовать. Под руководством отца Сань-мао изучала классическую китайскую поэзию и историю и читала по-английски. Однако ни эти занятия, ни психотерапия не помогли ей выйти из депрессии — она попыталась перерезать себе вены.

Помог художник Гу Фу-шэн — тот самый, в честь которого будущая писательница взяла английское имя и кого назвала «своей любовью с первого взгляда». Он не только научил ее рисовать, но и познакоми-

мил с ведущими тайваньскими литературными журналами того времени, а также с творчеством Бодлера, Золя и Камю. И именно по рекомендации Гу Фу-шэна в 1962 году Сань-мао отправила свой первый рассказ «Наваждение» главному редактору журнала «Современная литература», известному тайваньскому прозаику Бай Сянь-юню, чьи произведения недавно были опубликованы на русском языке. Тогда же Сань-мао знакомится с другими тайваньскими литераторами и, несмотря на отсутствие школьного аттестата, становится вольнослушательницей философского факультета Института культуры, где показывает незаурядные успехи. Позднее Сань-мао скажет, что была тогда «самовлюбленной болезненной девочкой», а преподаватель напишет о ней так: «Непонятная, необычная, сюрреалистично изъясняющаяся, странная девушка-загадка... которая гонится за призраками и творит трагическую красоту, а когда призраки воплощаются, спасается от них бегством».

В 1967 году Сань-мао расстается с женихом и уезжает учиться в Испанию, где знакомится со своим будущим мужем Хосе, который еще ходит в школу и не подозревает, что это судьба стучится в дверь. Потом девушка посещает Гёте-институт в Германии, изучает керамику в университете штата Иллинойс, подрабатывает гидом, моделью, библиотекарем и много путешествует: ГДР, Польша, Югославия, Чехословакия, Дания... И меняет кавалеров как перчатки — тут и японский бизнесмен, и немецкий дипломат, и тайваньский аспирант.

Любовные приключения продолжаются, когда Сань-мао возвращается в Тайбэй и преподает в Институте культуры и других учебных заведениях. В основанном русскими эмигрантами кафе «Астория» — одном из центров столичной политической и литературной жизни — она встречает художника Дэн Го-чуаня, влюбляется в его картины и собирается, несмотря на сопротивление семьи, выйти за него замуж. Но перед самой свадьбой выясняется, что он уже женат... На теннисном корте она знакомится с немолодым немецким профессором, принимает его предложение руки и сердца, но по дороге в типографию за свадебными приглашениями профессор умирает от сердечного приступа. Сань-мао в отчаянии, она принимает смертельную дозу снотворного, но врачи ее спасают. Семнадцать лет спустя она с горечью напишет: «Приглашения так никто и не забрал». Вообще надо сказать, что в воспоминаниях о бурной жизни Сань-мао, и ее собственных, и чужих, содержатся некоторые противоречия, заставляющие относиться к ним как к художественным импровизациям на темы реальной жизни в духе произведений Сергея Довлатова.

В 1972 году Сань-мао возвращается в Испанию и возобновляет знакомство с Хосе, который окончил университет, отслужил в армии и получил свидетельство ныряльщика. Сань-мао увлекает его за собой в Сахару, находившуюся тогда под властью Испании. Об их женитьбе и приключениях в пустыне вы узнаете из «Сахарских новелл». Раньше всего, осенью 1974 года, увидел свет «Китайский ресторанчик». Потом приложение к тайваньской газете «Ляньхэбао» одну за другой стало публиковать истории, объединенные впоследствии в сборники «Са-

харские новеллы», «Записки пугала» и «Плач верблюдов». Юмором, экзотикой, оптимизмом они привлекли читателей всего китайского мира и сохраняют популярность по сей день.

В 1976 году Сахара перестает быть испанской колонией, и Сянь-мао с мужем переезжают на Канарские острова. Осенью 1979 года, во время китайского праздника Середины осени, Хосе погиб при погружении. Благодаря поддержке гостивших у них родителей Сянь-мао пережила этот удар, но от душевной раны так и не оправилась.

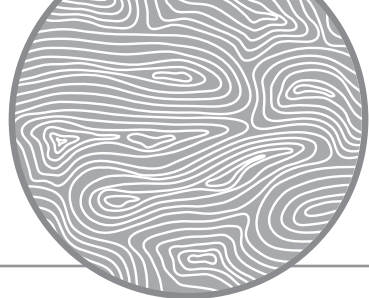
В ноябре 1981 года газета «Ляньхэбао» отправила Сянь-мао в полугодовую поездку по Латинской Америке, результатом которой стал сборник «За горами и морями», а также лекционное турне по Тайваню. Затем она некоторое время преподает писательское мастерство в тайбэйских университетах, однако вскоре вынуждена уехать на лечение в США. Несмотря на болезни, в 1987 году выходят ее аудиокниги «Рассказывает Сянь-мао» и «Звездапад».

В 1990 году по сценарию писательницы снимают фильм «Красная пыль», который, несмотря на критику за «сочувствие к предателю» (сотрудничавшему с японцами во время Второй мировой) и «неверное изображение Гоминьдана», завоевал множество наград на кинофестивале «Золотой конь». Однако Сянь-мао, номинированная на приз за лучший сценарий, его не получила. Вскоре она попадает в больницу, где 4 января 1991 года ее находят повешенной на чулках. Среди объяснений смерти — и убийство, и самоубийство, и несчастный случай (якобы под влиянием слишком сильной дозы снотворного она запуталась в собственных чулках). Все же наиболее вероятной представляется версия о самоубийстве. В ноябре 2021 года режиссер фильма «Красная пыль» рассказал в интервью, что Сянь-мао была очень расстроена, когда награда досталась другому сценаристу.

Многие вспоминают Сянь-мао, но лучше всех, наверное, сказал о ней Бай Сянь-юн: «Она создала необычный, прекрасный, сказочный, романтический мир: тут и великая любовь в жизни и смерти, и невероятная, завораживающая экзотика, и скачки по африканской пустыне, и экспедиции в первобытные леса Южной Америки... Когда стало известно, что Сянь-мао покончила с собой, у меня перед глазами, как в кино, пронеслась и погасла целая вереница ее образов, и остался лишь один — испуганная застенчивая шестнадцатилетняя девочка в юбке цвета зеленого яблока. Может быть, это и есть настоящая Сянь-мао — вечная странница, которая отказалась взрослеть и оборвала свою жизнь, чтобы противостоять увяданию, чтобы сказать старику-времени свое последнее "нет"».

Благодаря замечательному переводу и комментариям Марии Осташёвой вы узнаете не только о Сахаре, но и о Тайване, и о классической китайской культуре — ведь автор пропускает свои впечатления сквозь призму национальной традиции. Надеюсь, и вы станете поклонниками Сянь-мао, перекинувшей мост между Востоком и Западом, а издательство АСТ подарит нам встречи с другими ее книгами.

Роман Шапиро

КЛИНОК В НОЧИ

Впервые я оказалась в пустыне потому, что мне ужасно хотелось стать первой в мире женщиной, проехавшей через Сахару от края до края. Еще когда я жила в Европе, эта мечта не давала мне уснуть. Весь мой прошлый опыт путешествий по разным странам ровным счетом ничего не значил в сравнении с этой не тронутой современной цивилизацией землей. Около полугода я раздумывала, а потом решила просто отправиться туда и уже на месте разобраться, что к чему. Конечно, нужен был какой-никакой план — не могла же я просто повесить на спину баллон с водой и спрыгнуть с парашютом прямо в пустыню.

Поначалу я прибыла в Эль-Аюн, столицу Испанской Сахары. «Столица» — слишком громко сказано, это всего лишь небольшой поселок в пустыне: две пары улиц, несколько банков и лавочек. Точь-в-точь как безлюдный заброшенный городок в каком-нибудь западном фильме; никакого столичного блеска здесь нет и в помине.

Домик, который я арендовала, находится за пределами поселка. Он ветх и убог, а стоит дороже стандартного европейского дома. Мебели в нем нет, и я постелила на пол соломенные циновки, как это делают местные. Купила матрас и положила его в другую комнату: здесь будет спальня. Так

и жила первое время. Вода у меня есть: на крыше стоит бак из-под бензина, каждый день около шести привозят соленую воду из муниципалитета. Эту воду добывают из глубоких колодцев в пустыне; не знаю, отчего она такая соленая. Она годится для умывания и мытья, а питьевую воду надо покупать в бутылках по цене около двадцати тайваньских долларов¹ за штуку.

В первое время мне было очень одиноко, я ведь не говорю на арабском, а соседи мои — сплошь сахрави, африканцы; мало кто из женщин знает испанский, разве что детишки кое-как на нем изъясняются. Откроешь дверь моего дома, выйдешь за порог и увидишь улицу, по другую сторону которой — безбрежная, бескрайняя пустыня. Ровная, бархатистая, безмятежная, загадочная, она простирается до самого небесного края, бледно-желтая, похожая, как мне кажется, на поверхность Луны. Я люблю смотреть, как алеет пустыня под лучами заката. Каждый вечер на закате я выхожу на крышу и сижу, пока не стемнеет, охваченная невесть откуда взявшимся чувством острого одиночества.

Первоначально я собиралась немного отдохнуть, а затем отправиться в путешествие через пустыню. К несчастью, я никого в округе не знала, и мне оставалось только ежедневно бегать в полицейский участок в Эль-Аюне. (На самом деле я была вынуждена туда бегать, так как они забрали мой паспорт в надежде выдворить меня из пустыни.) Первым делом я наведальась к заместителю начальника полиции — он был испанец.

— Сеньор, я хочу поехать в пустыню. Не подскажете, как это можно осуществить?

— В пустыню? Да вы и так уже в пустыне. Поглядите-ка в окошко, — ответил он, не поднимая на меня глаз.

— Нет, я хочу проехать через всю Сахару. — Я провела рукой по висевшей на стене карте до самого Красного моря.

¹ Речь идет о начале 1970-х, когда курс американского доллара к тайваньскому составлял 1:38.

Минуты две он пристально меня разглядывал, после чего сказал:

— Сеньорита, вы сами понимаете, что говорите? Это совершенно невозможно. Пожалуйста, улетайте ближайшим рейсом в Мадрид. Нам здесь проблемы не нужны.

— Никаких проблем со мной не будет, — запальчиво возразила я. — Денег мне на три месяца хватит, могу показать, вот они.

Я вытащила из кармана ворох замызганных банкнот и показала ему.

— Ну, как хотите. Даю вам вид на жительство сроком на три месяца. Через три месяца придется уехать. Где вы остановились? Я зарегистрирую адрес.

— Я живу за городом, на доме нет номера. Как вам объяснить... дайте нарисую...

Так я поселилась в пустыне Сахаре.

Не хочется постоянно жаловаться на одиночество, но первое время в пустыне стало тяжким для меня испытанием, и я чуть было не вернулась обратно в Европу. Бесконечный ветер с песком, невозможный климат, когда днем так жарко, что вода обжигает руки, а вечером так холодно, что нужно кутаться в стеганую куртку... Сколько раз я спрашивала себя, ради чего мне здесь оставаться? Зачем я приехала одна в этот богом забытый уголок? Вопросы эти не имели ответа, и я просто проживала один день за другим.

Второй человек, с которым я познакомилась, был отставным командиром здешнего «пустынного легиона». Он был испанец, но прожил в пустыне всю жизнь и, состарившись, не пожелал возвращаться в Испанию. Я отправилась к нему за советом.

— Сеньорита, это невозможно. Сами посудите!

Я молчала, не в силах скрыть разочарования.

— Смотрите, вот военная карта. — Он показал на карту на стене. — Вот Африка, а вот пустыня Сахара. Пунктирные линии — это дороги. А остальное вы и сами видите.

Все это я знала, я тысячу раз рассматривала разные карты. На карте отставного командира были обозначены лишь пунктирные линии дорог да границы между странами, остальное — пустота.

— Что вы называете дорогами? — спросила я.

— Дорогами я называю тропинки, проложенные предшественниками. В хорошую погоду их видно, но стоит прийти песчаной буре, как они исчезают.

Поблагодарив его, я ушла. На душе было тяжело, я понимала, что переоценила свои возможности. Но отказаться от задуманного не могла — для этого я слишком упряма.

Я отправилась на поиски местных советчиков: исконные жители пустыни наверняка что-нибудь да придумают.

Есть за поселком одна площадь, на ней теснятся верблюды, джипы, козы и выставлен на продажу всякий товар. Дождавшись окончания молитвы, я спросила старого мусульманина, как можно проехать через пустыню. Старик понимал по-испански. Стоило ему заговорить, как его окружила стайка молодых людей.

— Хочешь отправиться к Красному морю? Я в жизни там не бывал. Ты можешь полететь туда самолетом через Европу, для этого не нужно пересекать пустыню.

— Вы правы, но я хочу проехать именно через пустыню, потому и прошу вашего совета. — Боясь, что он не расслышит, я повысила голос.

— Именно через пустыню? Это можно. Послушай меня. Возьми напрокат два джипа. Если один сломается, пересядешь на другой. Найми проводника. Можно попробовать, если как следует подготовиться.

Впервые я услышала, что можно попробовать.

— А сколько это будет стоить? — допытывалась я. — Сколько стоит взять машину напрокат? А услуги проводника?

— Одна машина стоит три тысячи песет в день, и проводнику три тысячи. Питание и бензин — отдельно.

Хорошо. Я посчитала в уме, получилось, что месяц путешествий обойдется мне в сто восемьдесят тысяч песет (сто двадцать тысяч тайваньских долларов).

Нет, погодите. Нужны же две машины. Значит, уже выходит двести семьдесят тысяч испанских песет, или сто восемьдесят тысяч тайваньских долларов. Добавить к этому оснащение, бензин, продукты, воду... получается не меньше четырехсот тысяч!

Я нашарила в кармане несколько жалких купюр и вздохнула.

— Слишком дорого. Ничего не выйдет. Спасибо вам.

Я собралась уходить, но тут старик окликнул меня:

— Есть один недорогой способ.

Я наострила уши и уселась обратно на землю.

— Какой же?

— Отправляйся с пастухами-кочевниками. Они добрый народ, идут туда, где есть дождевая вода. С ними много не потратишь. Если хочешь, сведу тебя с ними.

— Трудности меня не пугают. Могу купить и палатку, и верблюда. Помогите мне, пожалуйста! Я готова отправиться хоть сейчас.

— Да кто ж знает, когда они выйдут. Бывает, простаивают в одном месте неделю или две, а бывает, что и три месяца, если козам есть чем кормиться.

— А сколько времени им потребуется, чтобы пересечь пустыню?

— Тут не угадаешь. Они передвигаются медленно. Пожалуй, лет десять!

Стоявшие рядом расхохотались, но мне было не до смеха. В тот день я долго шла пешком домой. Приехав издалека в пустыню, я оказалась запертой в крошечном поселке. Хорошо, что у меня было хотя бы три месяца. Поживу пока здесь, а там поглядим.

На второй день после заселения со мной пришла знакомиться семья домовладельца. У двери столпились ребятишки; я улыбнулась им, взяла на руки самого маленького и пригласила всех в дом.

— Заходите, угощайтесь!

Они смущенно оглянулись на стоявшую позади полную женщину. Это была настоящая красавица: огромные глаза, длинные ресницы, белые зубы, золотисто-коричневая кожа. На ней было одеяние цвета темной лазури, волосы она закрывала. Она подошла, прижалась лицом к моей щеке, взяла меня за руку и сказала:

— Салам алейкум!

— Салам алейкум! — ответила я. Она чрезвычайно мне понравилась.

Все девочки были одеты в яркие цветастые африканские платья, волосы заплетены во множество красиво змеившихся тонких косичек. Из мальчишек кто-то был одет, а кто-то пришел голышом. Обuvi ни на ком не было, тела источали тяжелый запах. Лица их были чумазы, но все же очень привлекательны.

Впоследствии я познакомилась и с самим домовладельцем. Он служил в полиции и немного говорил по-испански.

— Ваша жена — настоящая красавица, — сказала я ему.

— Странно, — ответил он. — Она ни разу к вам не приходила.

— Кто же та красивая полная дама?

— А! Это моя старшая дочь Гука. Ей всего десять лет.

Я уставилась на него, оторопев от изумления. Гука выглядела совсем взрослой, на вид ей можно было дать лет тридцать. Я ушам своим не верила.

— А вам, сеньорита, видать, тоже лет десять? Будете с дочкой подружками.

Я в замешательстве почесала голову, лихорадочно соображая, как объявить домовладельцу свой возраст.

Впоследствии, когда мы подружились с Гукой, я спросила ее:

— Гука, тебе правда всего десять лет?

— Каких лет? — переспросила она.

— Твоих. Сколько тебе лет?

— Не знаю, — ответила Гука. — Я умею считать только до десяти пальцев. Нам, женщинам, свой возраст знать ни к чему. Один папа знает, сколько мне лет.

Потом я обнаружила, что не одна Гука не знает, сколько ей лет. И ее мать, и все живущие по соседству женщины абсолютно не умеют считать, и возраст совершенно их не заботит. Заботит их только одно — достаточно ли они полны, ведь полная — значит красивая, а возраст — дело десятое.

Со дня моего переезда в пустыню прошел месяц. У меня появилось много знакомых, и испанцев, и сахрави. Один местный юноша окончил среднюю школу, в здешних краях это считается чем-то невероятным. Как-то раз он сообщил мне, светясь воодушевлением:

— Весной будущего года я женюсь!

— Поздравляю! А где твоя невеста?

— Она живет в пустыне, в *хайме*. (*Хайма* означает «шатер».)

Я глядела на этого славного юношу и надеялась, что с ним-то все будет по-другому, не так, как у его сородичей.

— А скажи, сколько лет твоей невесте?

— В этом году будет одиннадцать.

— И ты говоришь, что окончил среднюю школу?! Боже ты мой! — вскричала я.

— А что тут такого? — нахмурился он. — Моей первой жене было всего девять лет, когда мы поженились, сейчас ей уже четырнадцать, у нас двое детей.

— Как? Ты женат? Что же ты ничего о ней не рассказывал?

— Женщина же, чего о ней рассказывать.

Я вперила в него возмущенный взгляд.

— Ты все четыре раза намерен жениться? (Мусульманам разрешается иметь четырех жен.)

— Все четыре не получится, денег не хватит. Пока что и двух достаточно.

Вскоре вышла замуж Гука. На своей свадьбе она горько рыдала, как того требует обычай. Окажись я на ее месте, я рыдала бы всю оставшуюся жизнь.

Однажды в сумерках за дверью раздался автомобильный гудок. Я выбежала наружу и увидела своих новых друзей, супружескую пару.

— Прокатимся с ветерком! — предложили они, помахав мне из своего джипа.

Оба они были испанцы. Муж служил в местных воздушных войсках, и в его распоряжении был современный «корабль пустыни». Вскрабкавшись на заднее сиденье джипа, я спросила:

— Куда едем?

— В пустыню.

— А надолго?

— Часа на два — на три.

Пусть вокруг один песок, иногда все же надо выезжать куда-нибудь подальше. Машина ехала по следам шин прямо в безбрежную пустыню. Начинало смеркаться, но было по-прежнему жарко. Меня стало клонить в сон, в глазах все расплывалось... и вдруг — не может быть! Впереди, на расстоянии двухсот метров, раскинулось огромное озеро, гладкое, словно зеркало, а рядом росли деревья.

Я протерла глаза. Машина на всех парах мчалась прямо в озеро. С заднего сиденья я хлопнула водителя по голове.

— Дружище, там же озеро! — завопила я. — Ты что, угробить нас решил?

Пропустив мои вопли мимо ушей, он нажал на газ. Я посмотрела на его жену — она лишь посмеивалась. Машина не снижала скорость, озеро приближалось. Я обхватила колени, приготовившись к неизбежному.

Я слышала, что где-то неподалеку в пустыне есть большое озеро, но не думала, что именно здесь. Подняла голову, взглянула — вот оно, озеро. Пригнувшись к коленям, я закрыла голову руками. Машина проехала еще сотню метров и остановилась.

— А теперь открой глаза! — окликнули меня приятели. Я открыла глаза. Кругом — бескрайняя пустыня. Земля, обогрелая кровавыми лучами заката. Ветер тихонько сдувает песок. Жуткая, мрачная картина.

Но где же озеро?

Оно исчезло. Ни воды, ни деревьев вокруг.

Вцепившись в переднее сиденье, я испуганно молчала, чувствуя себя героиней происходящей наяву страшной истории из «Сумеречной зоны»².

Я выпрыгнула из машины, постучала ногами по земле, потрогала ее руками. Земля была настоящая. Но где же озеро? Куда оно делось?

Я быстро оглянулась — машина никуда не исчезла. Вот она, а рядом с ней — мои покатывающиеся со смеху друзья.

— Я поняла! Это был мираж. Верно?

Все еще в мурашках от ужаса, я села обратно в машину.

— Что за наваждение! И так близко. В кино миражи всегда показывают издалека.

— Это что. Начнешь потихоньку исследовать пустыню, еще и не такое увидишь.

Отныне я, увидав что-то необычное, уже не спешу верить собственным глазам и проверяю все на ощупь. Но я никому не признаюсь, что боюсь миражей. Я говорю:

— Проклятая близорукость. Ничего толком не разглядишь!

Как-то раз я занималась стиркой. Дверь была открыта, и вдруг в дом вбежала хозяйская коза и сожрала мой единственный, с трудом возвращенный на пресной воде цветочек. Цветочка, собственно, не было, а были два здоровеньких листочка, и коза слопала их в один присест. Я погналась за ней, споткнулась и шлепнулась на землю. Рассвирепев, я побежала в соседний дом ругаться с хозяйским сыном.

— Ваша коза съела мои листочки.

Старшему сыну хозяина уже исполнилось пятнадцать.

— Сколько листочков? — деловито поинтересовался он.

— Целых два листочка, и все их съела ваша коза.

² «Сумеречная зона» — американский телесериал, выходивший с 1959 по 1964 г. Каждая серия представляет собой отдельную историю, связанную с необычными и паранормальными явлениями при вхождении в «сумеречную зону».

— Стоит ли так сердиться из-за двух листочков? Большое дело!

— Ты что, забыл, что мы в пустыне? Здесь и так ни травинки, а мой цветочек...

— Хватит о цветочке. Что ты делаешь сегодня вечером?

— Ничего не делаю. — И правда, никаких особых дел у меня не было.

— Мы с приятелями идем ловить пришельцев. Пойдешь с нами?

— Летающая тарелка? Ты хочешь сказать, летающая тарелка прилетит? — Во мне вновь разыграло любопытство.

— Она самая.

— Мусульманам запрещается врать, дружок!

Подняв руку, он поклялся, что это правда.

— Ночь будет безлунная, сегодня наверняка прилетит.

— Конечно, пойду! — тут же выпалила я, охваченная и страхом, и возбуждением. — Будем ловить пришельцев?

— Ну да, как только они вылезут. Только тебе надо переодеться в мужчину, как местные одеваются. Не могу же я с женщиной идти.

— Как скажешь. Дай мне взаймы тюрбан и теплую накидку.

Вечером мы с Баширом и его друзьями отправились в двухчасовой пеший поход. Дойдя до места, где ни огонька не было видно, мы улеглись на землю. Кругом стояла крошечная тьма, звезды холодно мерцали алмазным блеском. От оплеух ветра болело лицо. Я укрыла его тюрбаном, оставив снаружи одни глаза. Когда я почти окончена от холода, Башир вдруг стукнул меня.

— Тсс! Не шевелись! Слушай!

«У-у-у, у-у-у, у-у-у...» Это было похоже на ритмичное гудение мотора, звучащее со всех сторон сразу.

— Ничего не видно! — воскликнула я.

— Тихо, не кричи, — Башир показал пальцем на небо. Невдалеке от нас в высоком небе показался какой-то красно-оранжевый светящийся объект и стал медленно приближаться к нам. Я пристально глядела на него, от страха